

С.В. ШЕЯНОВА
(Саранск)

**СЮЖЕТНЫЕ И ВНЕСЮЖЕТНЫЕ
ЭЛЕМЕНТЫ В РОМАНЕ
А. ДОРНИНА «ТЕНИ КОЛОКОЛОВ»**

Рассмотрены вопросы сюжетосложения художественного текста. На материале романа А. Дорнина «Тени колоколов» показаны особенности построения сюжета, роль внесюжетных элементов в структуре произведения.

Ключевые слова: сюжет, сюжетосложение, внесюжетные элементы, описания, авторские отступления, вставные эпизоды.

Создавая литературное произведение, художник изображает реальную внешнюю действительность и одновременно творит новую, внутреннюю действительность произведения. Взаимодействием и взаимопроникновением этих двух начал определяется единство художественного мира произведения, с которым неразрывно связаны понятия жанра, системы образов, стиля и которое с максимальной полнотой выражается в сюжете. «Из всех элементов композиции сюжет в большей степени воплощает авторскую точку зрения и одновременно служит показателем писательского мастерства» [6, с. 3].

В современном литературоведении под термином «сюжет» понимают художественно построенное последовательное распределение событий и действий в произведении, его событийную цепь. В. Кожин рассматривает сюжет как действие в его полноте: «Сюжет – это определенный пласт произведения, одна из его “оболочек”» [4, с. 46]. Иначе говоря, сюжет выступает как «все» в произведении только в определенном разрезе, в других аспектах оказывается, что «все» в произведении – художественная речь или характеры и обстоятельства в их соотношении. Сюжет – «живая последовательность всех многочисленных и многообразных действий, изображенных в произведении» (Там же, с. 47).

Сюжет складывается из элементов – событий, организованных и взаимосвязанных последовательностью текста. Посредством событий, на наш взгляд, развиваются конфликт, система персонажей и обстоятельства, составляющие основу отражения реальной действи-

тельности. Выявление особенностей сюжетосложения романа мордовского писателя А. Дорнина «Тени колоколов» имеет важное значение как для осмысления индивидуальной художественной манеры писателя, так и для понимания его творчества в целом. Исходя из специфики сюжета, можно судить о творческом методе, а значит, в определенной мере, и о творческой индивидуальности художника слова.

Обдумывая замысел и работая над своим произведением, ни один писатель не может сказать, каким будет его сюжет. Сотворение сюжета – это мучительные поиски, сомнения, художественная обработка и воплощение жизненного материала. Роман «Тени колоколов» возник в творчестве А. Дорнина также не спонтанно. Это первое крупное эпическое полотно прозаика на историческую тематику. Ему предшествовала вдумчивая работа по собиранию, изучению и осмыслению исторического материала. Шаг за шагом выписывались эпизоды, появлялись основные исторические фигуры, выстраивался сюжет будущего разнопланового романа.

Преемственно продолжая и развивая лучшие традиции отечественного и национального литературного историзма, выразившиеся в произведениях А. Толстого, С. Злобина, А. Куторкина, К. Абрамова, М. Сайгина, М. Петрова и других писателей, роман «Тени колоколов» является новым слоем в художественном исследовании взаимоотношений личности и эпохи в переломные моменты истории. Впервые в национальной литературной практике А. Дорнин художественно реконструирует объективную историческую действительность, реальные факты истории своего народа в контексте широкой панорамы общественно-политической жизни России от эпохи Ивана Грозного до времен правления Алексея Михайловича.

«Тени колоколов» – повествование о России XVII в., о трагедии церковного раскола, о судьбе Никона, патриарха всея Руси, чьи деяния всколыхнули весь мир. Сюжет романа продиктован историей, точнее, сама история стала сюжетом произведения. Исторические лица, события вошли в его художественную ткань, образуя многоплановое повествование с разветвленными сюжетными линиями, разнообразными композиционными решениями. Известный русский богослов XX в. протоиерей Георгий Флоровский так отзывался

о сложной и противоречивой фигуре Никона: «Редко кто писал о нем бескорыстно и беспристрастно, без задней мысли и без предвзятой цели. О нем всегда именно спорили, пересуживали, оправдывали или осуждали. Его имя – до сих пор тема спора и борьбы. И почти не имя, но условный знак или символ» [8, с. 66].

А. Доронин поставил перед собой сложную задачу: переосмыслить хрестоматийный образ патриарха Никона и создать образ живого человека, тесно связанного со своими национальными корнями, испытывающего пронзительную тоску по родным местам, родной эрзянской речи, обычным мирским радостям, а также «воссоздать национальный эрзянский быт и особенности национального миропонимания и мироощущения» [1, с. 3]. Опираясь на архивный материал, исторические исследования, прозаик выстраивает художественную версию, концепцию личности исторического деятеля. Писателю важно обрисовать полноценный характер. Поэтому рассказ о внешних обстоятельствах жизни Никона часто сменяется психологическим анализом его духовного мира, изображением мыслей героя, его раздумий и терзаний.

Справедливости ради следует отметить, что творческие усилия автора направлены не только на жизнеописание Никона. Проблематика романа, его художественное содержание позволяют судить о широте авторского взгляда на историческую действительность, об эпических элементах произведения. Данный образ, как один из сюжетообразующих центров, не является единственным в повествовании. Он находится в центре событий, но сами события часто происходят помимо его воли, иногда – без него. Художественное пространство романа довольно обширно, оно не всегда связано с главным героем. А. Доронин пишет о дворе Алексея Михайловича, приближенных боярах, отношениях России с Польшей, Грузией, Китаем, войне со Швецией. Образ патриарха объединяет все сюжетные линии романа в один узел, придает произведению композиционную целостность, стройность, завершенность.

Композиционно роман «Тени колоколов» разделен на одиннадцать глав, пространственно-временной материал которых организован в строгой хронологической последовательности (нередко называются конкретные даты) с некоторыми отступлениями. Особую сюжетно-композиционную роль играет первая глава, которая не только является завязкой действия, намечает все основные

решаемые прозаиком вопросы, но и содержит стержневой эпизод. Символична обрисованная в самом начале романа встреча принявшего сан митрополита Никона с престарелым патриархом Иосифом, который привез Никону письмо от царя Алексея Михайловича. С этой сцены автор проводит мысль о несомненном переходе церковной власти от Иосифа к Никону.

Особенностью сюжетного построения романа следует назвать контрастирующую образную систему. Наиболее ярким свидетельством является конфликт патриарха Никона с протопопом Аввакумом, выступившим против нововведений в православной церкви России. Намеченный между великими личностями конфликт развивается на протяжении всего повествования и остается неразрешенным. Автор не изображает ни одной конкретной сцены встреч патриарха и протопопа, об их противоборстве и неприязни друг к другу читатель узнает из диалогов и размышлений героев. К примеру, Аввакум в своем обращении к священникам произносит: «*Нынче зло среди нас – так называемый патриарх Никон, а на самом деле – настоящий антихрист. Разоряет нашу православную церковь, заставляет молиться чужим богам, чужим святыням...*» [2, с. 167]. Патриарх же называет своего противника *сатаной, искушающим честных христиан* (Там же, с. 189). Масштабы личностей Никона и Аввакума позволяют Доронину художественно исследовать проблемы общечеловеческого содержания, изобразить эпохальные социальные конфликты, противостояние личности и власти, раскрыть вечные конфликты между добром и злом, гуманизмом и деспотизмом, а также коллизии морально-этического, психологического плана.

В постоянных столкновениях с Аввакумом, Алексеем Михайловичем, боярами раскрывается сложная натура Никона, который предстает проводником прогрессивных идей в церковной и государственной сферах, человеком, наделенным непреклонной волей, чувством собственного достоинства. Литературоведы сходятся во мнении о том, что «патриарх получился в романе по-настоящему значительной фигурой, обладающей мощью интеллекта» [7, с. 42]. В отечественном романе XX в. совершается процесс обновления и усложнения формы, в том числе и сюжетной организации. «Поиски новых, усложненных и усложняющихся форм в искусстве современности, связанные с пристальным вниманием к внутреннему миру человека, призывают писателя к

дополнительной работе над сюжетом», – отмечает К. Курова [5, с. 373]. Активизация авторского начала в художественном произведении проявляется во «внесюжетных элементах». К этим элементам, по утверждению К. Куровой, относятся «различные виды вмешательства автора в развитие действия, отступления от него, монологи повествователя, вставные новеллы, дневники, рассказы героев, документальный материал, различные виды лирических, публицистических, философских отступлений» (Там же, с. 374).

В критике нет единого мнения о соотносительности внесюжетных элементов с самим сюжетом, однако никто не оспаривал их большого значения для обнаружения авторских концепций действительности, для основного развития действия. Мы придерживаемся точки зрения тех литературоведов, которые считают невозможным отделять внесюжетные элементы от развития сюжета. Без них само повествование может стать и сдержаннее, и солиднее, но сфера возвышенного обеднеет, высокие чувства потускнеют, герои могут стать приземленнее.

В композиционной системе романа «Тени колоколов» много внесюжетных элементов, т.е. элементов, «которые не продвигают действия вперед, во время которых ничего не случается, а герои остаются в прежних положениях» [3, с. 149]. Различают три основные разновидности внесюжетных элементов: описания, авторские отступления и вставочные эпизоды. Для романа характерно большое количество вставочных эпизодов (фрагментов действия, в которых действуют другие персонажи, действие переносится в иное время и место) – воспоминаний героев, их размышлений, писем, документов. Включение в сюжетную ткань произведения воспоминаний Никона о детстве, семье, родных местах значительно обогащает содержание романа. С трепетом и волнением передано его детское впечатление: *Вдруг вспомнился Никону ледоход на Кудьме, речке его детства. Нет уже тех волнительных переживаний, не бегают он смотреть, как ломается лед и неудержимо несутся куда-то льдины, грозя выпрыгнуть на берег. А ведь Кудьма – дитя по сравнению с Волховом. Но в детстве все казалось великим и могучим. Разлив речки был для мальчика словно всемирный потоп* [2, с. 24].

В романе «Тени колоколов» ретроспективный монолог используется в качестве средства психологического анализа. На протяжении нескольких страниц авторское повествование че-

рез воспоминание Никона раздвигает временные границы, возвращая героя в детство, в родительский дом. Обращение к прошлому не случайно, это возвращение к истокам, которые взрастили полнокровную личность, смело идущую избранной дорогой, закаленную борьбой, преодолением трудностей, непонимания и предательства. Отсутствие монолога-воспоминания Никона не нарушило бы развития действия, однако изменилось бы, сузилось содержание образа. Без него внутренний мир патриарха предстал бы обедненным, во многом нерасшифрованным.

Внутренние монологи, размышления Никона направлены на понимание происходящих в жизни драматических действий, осмысление своего места в них и своей ответственности за все происходящее. Писатель стремится выявить и показать взаимообусловленность, взаимозависимость между внутренней жизнью личности и внешними социальными обстоятельствами. Человек с обостренным чувством справедливости, Никон выполняет свою общественную миссию, опираясь на законы совести и чести: *Было Никону, что вспомнить и о чем пожалеть. Какие только пути-дороги не прошел он за всю свою жизнь, каких людей не повидал! Алексей Михайлович святым его считает, к советам его прислушивается. А какая уж тут святость... Сколько греха за свою жизнь принял! Одиночество души: ни одного близкого человека нет рядом. Была жена любимая, сыновья... А теперь только монахи кругом. И монастырские стены давят* [2, с. 17]. Форма несобственно-прямой речи способствует индивидуализации образа Никона, позволяет высветить внутренний мир героя, обуреваемого противоречивыми чувствами, но в целом способного к критическому самоанализу.

В сюжетно-композиционной системе романа встречается дневниковая форма (отрывки из дневника Никона), в художественной обработке представлены письма Аввакума царю, боярыне Морозовой. Обращаясь в 1669 г. к царю Алексею Михайловичу с жалобой, путаясь в дебрях лиризма, не лишенный своеобразного красноречия Аввакум пускает в ход дипломатию: *Теперь из моей тюрьмы, как из могилы, в слезах я обращаю к тебе это последнее воззвание... сжался не надо мною, но над твоею душою! Скоро, не сказав нам справедливого суда с такими отступниками, ты предстанешь вместе с нами перед лицом Верховного Судьи. Там твое сердце в свою очередь будет сковано страхом, но мы не будем в состоянии помочь тебе. Ты от-*

казал нам в гробницах у святых церквей, хвала тебе за это! Разве лучше был удел святых мучеников?.. [2, с. 395]. Вторжение в повествование мемуарного и эпистолярного материала привносит дополнительную объемность, монументальность, добавляет верные психологические штрихи при раскрытии характеров.

В романе достаточно описаний, в основном пейзажа и портрета, они немногословны, но выразительны и эмоциональны. Живописны лирические отступления Доронина, связанные с созданием пластически ощутимых, щедро нарисованных картин окружающего мира, подчиненных раскрытию духовного мира, психологического состояния героев. *Дорога петляла по дремучему лесу. Местами могучие дубы и серебристые дрожащие осины расступались, и лесные лужайки радовали глаз. Среди буйной, не топтанной никем травы цвели ромашки, колокольчики, клевер и множество других цветов, названья которых Тикишай не знал. Вспомнилась вдруг Мазярго... Какие цветы распустились на ее могиле? Тикишай оставил жеребца, бросился лицом в мягкую душистую траву и безутешно зарыдал* (Там же, с. 196).

При описании героев А. Доронин останавливает внимание на глазах – «зеркале души», в которых отражается внутреннее содержание человека. *Вскоре в избу вошел худощавый невысокий юноша. Одет бедно: посконные штаны, лапти, на плечах – худой заношенный зипун. На непокрытой голове сваявшиеся светлые волосы. Лицо узкое, бледное, с большими умными глазами* (Там же, с. 138). Боярин Глеб Иванович Морозов *ростом пониже брата, русоволосый, безбородый. Далеко не молод. Глаза его, добрые и светлые, как бы говорили ей* (Федосье. – С.Ш.): *«Не бойся, я ничего плохого тебе не сделаю»* (Там же, с. 213).

Оригинальным приемом сюжетосложения романа А. Доронина следует считать обогащение сюжетных коллизий авторскими размышлениями, историческими справками и авторскими их комментариями, сообщающими развитию сюжета определенный темп, увеличивающими сюжетное пространство произведения, усиливающими его реалистичность и историзм. Включение авторских философских размышлений в произведение оправдано. Они способствуют панорамному, всеобъемлющему раскрытию внутреннего мира героев и воспринимаются как обобщение и осмысление картины русской действительности XVII в. Содержание этого внесюжетного материала

непосредственно связано с основной сюжетной линией.

Обширные отступления пронизаны акцентированными, резкими вопросами, восклицаниями, риторическими вопросами, усиливающими эмоционально-экспрессивное звучание речи. *Русь, Россия-матушка! Велики ее просторы, богаты леса и реки, многолюдны города и веси, длинны дороги, ведущие к самому ее сердцу – к Москве. ...Русская земля, отмеренная лаптями и деревянной сохой, политая потом, кровью и слезами, еще спала, как могучий великан, способный на великие дела. И кто разбудить ее должен, и когда? Вдруг рано потревожат, и встанет она, как матерый медведь из берлоги, дикий и злой, кинется на неосторожного смельчака, подомнет под себя...* [2, с. 307].

Рассмотрение специфики сюжетосложения романа «Тени колоколов» подвело нас к выводу о том, что для него характерны нелинейное, усложненное композиционное построение, неоднородность текста. В ткань повествования вплетены внесюжетные элементы (воспоминания, письма, монологи-размышления, портреты, описания природы, жизненного уклада, авторские отступления, исторические справки), полицентрическая система образов разрабатывается на приеме контраста, конфликт представлен в виде системы двух концентрических кругов. Предпринятая попытка анализа особенностей сюжетного построения романа «Тени колоколов» дает возможность выявить новые, еще не выделенные исследователями аспекты его идейно-тематического содержания, осмыслить индивидуальность художественной манеры А. Доронина, а также оценить мастерство прозаика, поднявшего мордовскую историческую романистику на новый уровень развития.

Литература

1. Демин В. Сумрачный отблеск колоколов // Известия Мордовии. 1996. 27 июля.
2. Доронин А. Тени колоколов : роман / пер. с морд.-эрзя Е.М. Голубчика. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 2004.
3. Есин А.Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения. М., 1998.
4. Кожин В. Происхождение романа. М., 1963.
5. Курова К. «Внесюжетные элементы» и внутренний мир героя // Проблемы психологизма в советской литературе. Л. : Наука, 1970. С. 372 – 393.
6. Муценко Е. Сюжет и фабула как категории литературоведческого анализа // Сюжет и фабула в

структуре жанра : межвуз. сб. науч. тр. / Калинингр. ун-т. Калининград, 1990. С. 3 – 10.

7. Федосеева Е. Исторический роман Мордовии. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2000.

8. Флоровский Г. Путь русского богословия. Минск : Изд-во Белорус. Экзархата – Белорус. правосл. церкви, 2006.

The poetics of the plot of A.Doronin's novel "Shadows of the Bells"

There are considered the issues of plot construction of a fiction text. On the material of the novel by A.Doronin "Shadows of the Bells" there are shown the peculiarities of the plot structure, the role of out-of-plot elements in the structure of the text.

Key words: *plot, plot construction, out-of-plot elements, descriptions, author's digressions, insert episodes.*

Д.Н. МУЗРАЕВА
(Элиста)

К ПРОБЛЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ БУДДИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ У КАЛМЫКОВ В XX – начале XXI в.*

Раскрываются значение и место буддийской литературы в книжно-литературной традиции калмыков в XX – начале XXI в. Определяется состав буддийских письменных источников на тибетском, ойратском, калмыцком и русском языках, имевших хождение среди калмыков в указанный период, определяется круг авторов.

Ключевые слова: *буддизм, литература, канонические сочинения, ойратский просветитель Зая-пандита, перевод.*

Калмыки, как и другие народы Центральной Азии, оказались в сфере распространения и влияния тибетской формы буддизма, идущей к ним с юга и юго-востока. В сегодняшней Калмыкии с конца XX в. идет процесс возрождения духовной культуры народа во всех ее компонентах, среди которых буддизм по пра-

* Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России» (2009 – 2011).

ву занимает одно из важных мест. Согласно традиции, буддизм может существовать только в том случае, если одновременно присутствуют три его компонента – Будда, его Учение (дхарма) и община последователей (сангха). При этом Учение в символическом смысле – это записи проповедей Будды, как рукописные, так и печатные, т.е. книги. То особое отношение к священным буддийским текстам, которое утвердилось в Тибете, было перенято и калмыками.

Несмотря на то, что Россия по-прежнему занимает ведущие позиции в буддологии, буддийская литература на поздних этапах ее бытования у калмыков и других монголоязычных народов, которые исповедуют буддизм, даже в наши дни не только недостаточно исследована как литературный и культурный феномен, но и до сих пор по-настоящему не оценена по своей значимости для изучения истории литературы калмыков, бурят, тувинцев и буддийской письменной и книжно-литературной традиции в целом.

Проблема влияния буддизма на духовную жизнь монгольских народов, развитие их культуры и литературы была поставлена крупнейшим российским монголоведом академиком Б.Я. Владимирцовым в его статье «Монгольская литература» [5]. Все последующие труды российских монголоведов, появившиеся на протяжении XX в. и в начале нынешнего века, подтверждают значимость поставленной проблемы. Мы должны признать, что в течение многих десятилетий труды монголоведов находились под влиянием господствовавших в стране идеологических установок, согласно которым религии декларативно отторгались от общего фундамента духовной культуры. Эти установки вынуждали ученых прибегать к самоцензуре при выборе тематики исследования и освещать весь материал, связанный с религией и религиозной философией, в соответствии с марксистскими установками. Вот почему в трудах по истории монгольской и ойратской литературы, написанных до последней четверти XX в., мы можем не обнаружить подчас и самого термина «буддийская литература», даже если речь идет о средневековой монгольской и ойратской литературе.

На сегодняшний день существует не так много работ, в которых на основе анализа всех имеющихся религиозных и религиозно-философских жанров литературы была бы представлена история буддийской литерату-